

МЫ И ДРУГИЕ

1

Евразійство, какъ идейное движеніе, впервые явственно заявило о своемъ существованіи и стало кристаллизироваться въ условіяхъ и въ средѣ русской эмиграціи. Русская эмиграція есть явленіе политическое, непосредственное слѣдствіе политическихъ событій. Какъ бы ни старались русскіе эмигранты уйти отъ политики, они не въ состояніи сдѣлать это, не переставъ быть эмигрантами. Сущность бѣженства опредѣляется наступившей вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ событій паникой: какъ только причины, вызвавшія эту панику, перестанутъ существовать, бѣженецъ — поскольку онъ только бѣженецъ, — можетъ вернуться на родину. Сущность эмиграціи опредѣляется обострившимся до крайнихъ предѣловъ непримиримымъ разногласіемъ между убѣжденіями одной части общества и убѣжденіями правящихъ круговъ: пока это разногласіе въ убѣжденіяхъ не кончится, эмигрантъ не можетъ вернуться на родину, хотя бы тамъ по части причинъ, вызывающихъ панику (терроръ, голодъ и пр.) все стало благополучно. А т. к. вернуться на родину составляетъ завѣтную мечту каждаго, то бѣженцы всегда испытующе разспрашиваютъ другъ друга, не прошло ли то, что на нихъ нагнало панику, и когда считать, что больше уже не страшно; а эмигранты испытываютъ другъ друга вопросами о томъ, при какомъ характерѣ правительства ихъ принципiальныя разногласія можно начать считать несущественными. Потому то политическіе вопросы не сходятъ съ устъ, не выходятъ изъ головъ русскихъ эмигрантовъ. Потому то эмигранты при всемъ желаніи вполнѣ отъ политики

отмахнуться не могут. И потому-то, въ частности, къ каждому идейному направленію въ эмиграціи подходят съ точки зрѣнія его политическаго содержанія. — Съ той же точки зрѣнія подходятъ, разумѣется, и къ евразійству.

Евразійцамъ предъявляютъ вопросы: кто вы, правые, лѣвые или средніе? монархисты или республиканцы? демократы или аристократы? конституціоналисты или абсолютисты? социалисты или сторонники буржуазнаго строя? А когда на эти вопросы прямыхъ отвѣтовъ не получаютъ, то либо заподозриваютъ какія то глубоко скрытыя тайныя козни, либо съ пренебреженіемъ пожимаютъ плечами, объявляя все это „движеніе“ чисто литературнымъ направленіемъ и простымъ оригинальничаньемъ.

2

Причина всего этого недоразумѣнія, всего этого ненахожденія общаго языка заключается въ томъ, что въ евразійствѣ проблема взаимоотношеній между политикой и культурой поставлена совершенно иначе, чѣмъ къ тому привыкла русская интеллигенція.

Со времянь Петра Великаго въ сознаніи всякаго русскаго интеллигента (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, понимая подъ интеллигентомъ всякаго „образованнаго“) живутъ, между прочимъ, двѣ идеи или, точнѣе, два комплекса идей: „Россія какъ великая европейская держава“ и „европейская цивилизація“. — „Направленіе“ человѣка въ значительной мѣрѣ опредѣлялось отношеніемъ его къ этимъ двумъ идеямъ. Было два рѣзко-противуположныхъ типа. Для однихъ дороже всего была Россія, какъ великая европейская держава; они говорили: какой бы то ни было цѣной, хотя бы цѣной полнаго порабоженія народа и общества, полнаго отказа отъ просвѣтительныхъ и гуманистическихъ традицій европейской цивилизаціи, — подавайте намъ Россію, какъ могущественную великую европейскую державу. Это были представители правительственной реакціи. Для другихъ дороже всего были „прогрессивныя“ идеи европейской цивилизаціи; они говорили: какой угодно цѣной, хотя бы цѣной отказа отъ государственной мощи, отъ русской великодержавности, подайте намъ осуществленіе у насъ въ Россіи идеаловъ европейской цивилизаціи (т. е., по мнѣнію однихъ, — демократіи, по мнѣнію другихъ — социализма и т. д.) и сдѣлайте

Россію прогрессивнымъ европейскимъ государствомъ. Это были представители радикально-прогрессивнаго общества.

Трагедія заключалась въ томъ, что ни то, ни другое направленіе по условіямъ русской жизни не могло быть проведено до конца. Каждая сторона замѣчала внутреннюю противорѣчивость и несостоятельность другой, но не видѣла, что сама заражена тѣми же недостатками. Реакціонеры прекрасно понимали, что выпустивъ на волю русскую демократію, т. е. полудикую (съ европейской точки зрѣнія) мужицкую стихію, прогрессисты тѣмъ самымъ нанесутъ непоправимый ударъ самому существованію въ Россіи европейской цивилизаціи. Прогрессисты, со своей стороны, правильно указывали на то, что для сохраненія за Россіей ея мѣста въ „концертѣ великихъ европейскихъ державъ“ ей необходимо и во внутренней политикѣ подтянуться къ уровню остальныхъ европейскихъ государствъ. Но своей собственной утопичности и внутренней несостоятельности, разумѣется, ни реакціонеры, ни радикалы-прогрессисты не понимали. Были, конечно, и представители „золотой середины“, „разумнаго консерватизма“, „умѣреннаго либерализма“, сочетавшіе великодержавный патріотизмъ съ требованіемъ либеральной внутренней политики. Но, въ концѣ концовъ, и эта часть русскаго образованнаго общества жила утопій. Обѣ основныя идеи, которыя въ разныхъ комбинаціяхъ другъ съ другомъ создавали всѣ разновидности русскихъ политическихъ направленій, — идея русской великодержавности и идея осуществленія на русской почвѣ идеаловъ европейской цивилизаціи, — были въ самомъ своемъ корнѣ искусственны. Обѣ онѣ явились порожденіемъ реформъ Петра Великаго. Петръ вводилъ свои реформы насильственно, не спрашивая желаетъ ли ихъ русскій народъ; и потому, обѣ идеи, порожденныя его реформами, остались органически чуждыми русскому народу. Ни Россія, какъ великая европейская держава, ни идеалы европейскаго прогресса русскому народу ничего не говорили. Европейская великодержавность Россіи съ одной стороны и европейское просвѣщеніе верховъ русской націи съ другой могли продержаться довольно долгое время надъ русской почвой при условіи искусственной безсловесности и пассивности народныхъ массъ. Но и то и другое неминуемо должно было дать трещину и начать разваливаться, какъ только зашевелилась самая народная масса, составляющая

природный фундаментъ всего зданія Россіи. Споръ между русскими „направленьями“, являвшимися по существу разными комбинаціями идеи европейской великодержавности Россіи и идеаловъ европейскаго прогресса, именно поэтому были безплодны и праздно. На подмосткахъ, не ими выстроенныхъ, инженеры вывели стѣны зданія и заспорили о томъ, какую лучше сдѣлать крышу, совершенно забывъ изслѣдовать какъ и для чего были сооружены самые подмости, на которыхъ велся весь споръ; подмости оказались живыми, зашевелились, стѣны зданія треснули, повалились, похоронивъ подъ собой часть инженеровъ, и споръ о крышѣ потерялъ всякій смыслъ.

Совершенно естественно, что какъ только вся эта картина открывается сознанию, такъ оказывается необходимымъ совершенно перемѣнить весь подходъ къ тѣмъ политическимъ вопросамъ, которые до сихъ поръ волновали русское общество. Въдѣ эти вопросы обсуждались при предпосылкѣ извѣстныхъ культурно-историческихъ понятій, вошедшихъ въ умы образованнаго русскаго общества въ послѣпетровскую эпоху, но оставшихся органически чуждыми русскому народу. Сознавъ это и не вѣруя въ универсальность и безотносительную цѣнность европейской культуры и не признавая общеобязательности „законовъ мірового прогресса“, — надо прежде всего искать для политическихъ вопросовъ новой культурно-исторической базы. На этомъ то и основаны всѣ недоразумѣнія, возникающія у представителей старыхъ русскихъ „направленій“ при встрѣчѣ съ евразійствомъ. Евразійство отвергаетъ не то или иное политическое убѣжденіе старыхъ направленцевъ, а тотъ культурно-историческій контекстъ, съ которымъ это убѣжденіе сопряжено въ сознаніи старыхъ направленцевъ. Правые, лѣвые и умѣренные, консерваторы, революціонеры и либералы, — всѣ вращаются исключительно въ сферѣ представленій о послѣпетровской Россіи и о европейской культурѣ. Когда они говорятъ о той или иной формѣ правленія, они мыслятъ эту форму правленія именно въ контекстѣ европейской культуры или европеизированной послѣпетровской Россіи; измѣненія и реформы, которыя они считаютъ необходимымъ внести въ политическій строй или политическія идеи, касаются только этого строя и этихъ идей, но не самого культурнаго контекста. Между тѣмъ, для евразійства самымъ важнымъ является именно измѣненія культуры, измѣненія же политическаго строя

или политических идей безъ измененія культуры евразійствомъ отмечается, какъ несущественное и нецѣлесообразное.

3

Культура всякаго народа, живущаго государственнымъ бытомъ, непремѣнно должна заключать въ себѣ, какъ одинъ изъ своихъ элементовъ и политическія идеи или ученія. Поэтому, призывъ къ созданію новой культуры заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, также и призывъ къ выработкѣ новыхъ политическихъ идеологій. Такимъ образомъ, упреки въ томъ, будто бы евразійство проповѣдуетъ политическій индеферентизмъ, равнодушіе къ политическимъ вопросамъ, основаны на недоразумѣніи. Но не меньшую ошибку представляетъ изъ себя и встрѣчающееся часто отождествленіе евразійства съ какимъ либо старымъ идейно-политическимъ направлениемъ.

Евразійство отвергаетъ безапелляціонный авторитетъ европейской культуры. А т. к. съ понятіемъ европейской культуры принято связывать „прогрессивность“, то многимъ кажется, что евразійство есть теченіе реакціонное. Евразійство выставляетъ требованіе національной культуры и опредѣленно заявляетъ, что русская національная культура немыслима безъ православія. Это опять таки по привычной ассоціаціи у многихъ вызываетъ воспоминаніе о пресловутой формулѣ „самодержавіе, православіе и народность“ и еще сильнѣе укрѣпляетъ убѣжденіе, будто евразійство есть новая форма старой идеологіи русскихъ реакціонеровъ. Этой иллюзіи поддаются не только лѣвые, но и очень многіе правые, которые спѣшатъ объявить евразійство „своимъ“. Это — глубокое недоразумѣніе. Въ устахъ русскихъ правыхъ формула „самодержавіе, православіе и народность“ приобрѣла совершенно опредѣленное значеніе. Строго говоря, вся эта формула свободно могла быть замѣнена однимъ только словомъ „самодержавіе“. Еще графъ Уваровъ опредѣлялъ „народность“, какъ соединеніе самодержавія съ православіемъ. Что же касается до „православія“, то подъ этимъ терминомъ представители правительственной реакціи разумѣли (а безсознательно разумѣютъ и теперь) синодально-оберпрокурорское православіе. Весь „русскій духъ“ русскихъ реакціонеровъ не идетъ дальше фальшиваго поддѣльно-народнаго фразерства, высочайше-утвержденнаго „дю-рюссь съ пѣтушками“, дурного

quasi-русского лубка XIX-го вѣка, изъ подъ котораго такъ и сквозить мундиръ прусскаго образца и плащъ-парадная мунштровка; все ихъ „православіе“ не идетъ дальше торжественнаго архіерейскаго молебна въ табельный день съ провозглашеніемъ многолѣтія высочайшимъ особамъ. И православіе, и народность для нихъ не болѣе какъ эффектный и ставшій традиціоннымъ аксессуаръ самодержавія. ¹⁾ И только самодержавіе является цѣнностью безотносительной. Подыскивая идеала въ русскомъ прошломъ, эти реакціонеры находятъ его въ царствованіи Алаксандра III-го или Николая I-го. Все это, разумеется, не только не имѣетъ ничего общаго съ евразійствомъ, но прямо противоположно этому послѣднему. Провозглашая своимъ лозунгомъ національную русскую культуру, евразійство идейно отталкивается отъ всего послѣ-петровскаго, санктъ-петербургскаго, императорско - оберпрокурорскаго періода русской исторіи. Не императорское самодержавіе этого періода, а то глубокое всенародное православно-религіозное чувство, которое силою своего горѣнія переплавало татарское иго во власть православнаго русскаго царя и превратило улусъ Батыя въ православное московское государство, является въ глазахъ евразійцевъ главной цѣнностью русской исторіи. Евразійство смотритъ на императорское самодержавіе, какъ на вырожденіе допетровской (дѣло идетъ, конечно, объ этомъ самодержавіи, какъ духовной сущности, а не внѣшне-политическихъ его достиженія, которыя въ нѣкоторыхъ отрасляхъ были громадны) подлинно-національной монархіи: оторвавшись отъ того „бытового исповѣдничества“, которое въ древней Руси было идейной опорой царской власти и въ то же время находило въ лицѣ царя самаго горячаго своего ревнителя, императорское самодержавіе естественно и неизбѣжно должно было опереться на рабство и милитаризмъ. Евразійство не можетъ мириться съ превращеніемъ православія въ простой аксессуаръ самодержавія и съ обращеніемъ „народности“ въ казенную декламацию. Оно требуетъ подлиннаго православія, оправославленія быта, подлинной, національной культуры на основѣ „бытового исповѣдни-

¹⁾ Что это дѣйствительно такъ, видно хотя бы изъ того, что сейчасъ какъ разъ въ правыхъ кругахъ чаще всего соблазняются о современномъ положеніи русской церкви, что какъ разъ въ этихъ кругахъ участились случаи перехода въ католичество и раздаются голоса о необходимости цѣной разныхъ уступокъ пріобрѣсти союзника для монархіи въ лицѣ католичества.

чества“ и признаётъ своей (своимъ идеаломъ) только такую монархію, которая бы явилась органическимъ слѣдствіемъ національной культуры.

4

Недвусмысленно проявляемое евразійствомъ отрицательное отношеніе къ императорской Россіи и подчеркиваніе цѣнности подлинно-народной самобытности можетъ породить и другое недоразумѣніе, именно, — отождествленіе евразійства съ революціоннымъ народничествомъ. Однако, отъ этого народничества евразійство рѣзко отличается. Какъ бы то ни было, русское революціонное народничество всегда являлось и является разновидностью социализма. Социализмъ же есть порожденіе романогерманской культуры, духовно совершенно чуждое евразійству. Если въ умѣренныхъ теченіяхъ народничества элементъ социализма выступаетъ въ ослабленномъ видѣ, то въ принципѣ дѣло отъ этого не мѣняется. Отношеніе народниковъ къ т. наз. „русской самобытности“ въ корнѣ отлично отъ отношенія евразійства къ той же самобытности. Изъ народнаго быта, изъ народныхъ чаяній и идеологій народничество искусственно отобрало только нѣкоторые элементы: общинное хозяйство, сельскіе сходы, „артельное начало“, идею о томъ, что „земля — Божья“, раціоналистическое сектанство, затаенную ненависть къ „барамъ“, разбойничьи пѣсни, и т. д. — всѣ эти элементы быта, міровоззрѣнія и умонастроенія вырывались изъ ихъ историческаго контекста, идеализировались и объявлялись единственно-существенными и подлинно-народными, а все прочее отменялось. Отборъ производился, конечно, по признаку пригодности къ социализму. Все, что въ бытѣ и міровоззрѣніи народа было съ этой точки зрѣнія непригодно, относилось на долю „отсталости“ и „темноты народныхъ массъ“, объявлялось подлежащимъ преодолѣнію черезъ школу и пропаганду. Школа и пропаганда должны были также привить народу тѣ черты, которыхъ ему „недостаетъ“, но которыя присущи „демократіи передовыхъ странъ Запада“. Будущая Россія мыслилась народниками, какъ образцовая демократическая республика съ парламентаризмомъ, съ небывало-широкимъ, распространяющимся чуть ли не на подростковъ обоого пола пропорціональнымъ избирательнымъ правомъ, съ отдѣленіемъ Церкви отъ государства, съ полной секуляризацией не только государственной, но и семейной

жизни и т. д., и т. д. Въ этомъ идеалѣ, цѣликомъ заимствованномъ у романогерманскихъ идеологовъ, роль русской самобытности сводится только къ тому, что земля мыслится распределенной на правахъ трудового пользованія, при чемъ даже это распределение, проведенное въ государственномъ масштабѣ, лишь отдаленно напоминаетъ русскій сельскій „міръ“. Такимъ образомъ, самобытность для народниковъ играетъ роль лишь трамплина для прыжка въ объятія нивеллирующей европеизаціи. „Хожденіе въ народъ“ въ концѣ концовъ является лишь особой тактикой, особымъ приѣмомъ для достиженія европеизаціи и водворенія въ Россіи извѣстныхъ идеаловъ романогерманской цивилизаціи. Парадоксальное и внутренне-противорѣчивое сочетаніе внѣшняго самобытничанія съ опредѣленно-западническимъ внутреннимъ содержаніемъ всегда и было ахиллесовой пятой русскаго революціоннаго народничества.

Именно благодаря своей социалистической и западнической сущности, революціонное народничество совершенно неприемлемо для евразійства. Евразійство подходитъ къ національной русской культурѣ безъ желанія замѣнить ее какими либо романогерманскими формами жизни (уже осуществленными въ Европѣ или только предносящимися воображенію европейскихъ публицистовъ), а, наоборотъ, съ желаніемъ освободить ее отъ романо-германскаго вліянія и вывести ее на путь подлинно-самостоятельнаго національнаго развитія. Разумѣется, и евразійство не принимаетъ безъ разбору всего, что есть или было въ русскомъ народѣ самобытнаго, и тоже производитъ выборъ между цѣннымъ и вреднымъ или безразличнымъ. Но при этомъ выборѣ евразійство руководствуется не тѣмъ, пригодно ли данное явленіе русской культуры или народнаго быта къ осуществленію того или иного заимствованнаго у европейцевъ идеала (соціализма, демократической республики и т. под.), а исключительно внутренней цѣнностью даннаго явленія въ общей связи русской національной культуры. Съ этой точки зрѣнія приходится дѣлать различіе между явленіями случайными, преходящими и явленіями глубинными, съ непреходящимъ значеніемъ, далѣе — между явленіями творческими, созидательными и явленіями разрушительными. Такъ, общинное хозяйство, на которомъ особенно настаиваютъ народники, есть преходящая, исторически возникшая и въ процессѣ исторіи обреченная на исчезновеніе форма хозяйства: разрушеніе об-

щины и переходъ къ индивидуальной земельной собственности есть исторически неизбежное явление, которое нельзя задерживать никакими искусственными мѣропріятіями. А поскольку общинное землевладѣніе тормозитъ развитіе производительности крестьянскаго хозяйства, его слѣдуетъ признать даже явленіемъ культурно-вреднымъ, разрушительнымъ, и процессу его замѣны другими формами хозяйства слѣдуетъ помогать. Евразійство, проповѣдая русскую самобытность, какъ разъ общинное хозяйство не включаетъ въ число существенныхъ признаковъ этой самобытности. Наблюдая народное міровоззрѣніе и его проявленія въ народномъ творествѣ, народники обходили молчаніемъ или относили на долю „темноты“ народную покорность волѣ Божіей, идеализацію царской власти, духовные стихи, набожность, обрядовое исповѣдничество, между тѣмъ, какъ именно всѣ эти черты, сообщающія народному фундаменту устойчивость, съ точки зрѣнія національной культуры, какъ разъ наиболѣе цѣнны. Наоборотъ, всѣ проявленія бунтарства, какъ въ умонастроеніи, такъ и въ народномъ творествѣ, ненависть народа къ „барамъ“, пѣсни и преданія, идеализирующія разбойниковъ, сказки съ насмѣшками надъ „попами“ — особенно цѣнились народниками, хотя ясно, что эти чисто отрицательныя антикультурныя и антисоціальныя проявленія не заключаютъ въ себѣ никакихъ культурно-творческихъ потенцій. Мало того, и въ этихъ отрицательныхъ элементахъ народной психологіи народники умѣли цѣнить только самую ихъ отрицательную сторону: ненависть къ „барамъ“ цѣнилась постольку, поскольку она была „соціальной“, между тѣмъ какъ именно въ этой своей формѣ она, разрушая національное единство, безусловно вредна, а положительной она можетъ быть, до извѣстной степени, только поскольку „баринъ“ разсматривается, какъ человекъ иной, ненаціональной культуры.

Но основательнѣе всего расходится евразійство съ народничествомъ въ отношеніи къ религіи. Народники, какъ социалисты, являются въ большинствѣ своемъ атеистами или въ крайнемъ случаѣ отвлеченными деистами. Изъ религіозной жизни народа они умѣли „понимать“ и цѣнить только раціоналистическое сектанство. Евразійство стоитъ на почвѣ Православія, исповѣдая его, какъ единственную подлинную форму Христіанства, и признаетъ, что именно въ качествѣ единственной истинной вѣры Православіе и могло сыграть въ русской исторіи роль

творческаго стимула. Стоя на почвѣ Православія нельзя не видѣть, что протестанство и раціоналистическое сектанство являются плодами религіознаго недомыслия, дегенераціи религіознаго чувства и упадочными формами религіи. Существованіе и нѣкоторый успѣхъ въ народѣ штундизма, баптизма и другихъ раціоналистическихъ сектъ есть прескорбное послѣдствіе двухъ вѣковъ европеизаціи, во время которой верхи и низы націи были отдѣлены другъ отъ друга пропастью. Интеллигенція и полуинтеллигенція, закрывая глаза на духовныя богатства Православія, смотрѣла на него, какъ на мужицкую вѣру и заражалась упадочными формами западнаго христіанства, а правительство, заморозивъ и оказѣнивъ русскую церковь и лишивъ ее всякой инициативы и свободы дѣйствія, не принимало никакихъ мѣръ ни для поднятія уровня духовенства, ни къ распространенію подлинно-православнаго просвѣщенія. Если народъ въ эти тяжелые вѣка русской исторіи часто уходилъ отъ Церкви, не находя въ ней того подлинно - православнаго духа, котораго онъ безсознательно жаждалъ, и поддавался соблазнамъ дешеваго раціонализма, проникавшаго къ нему черезъ сбитую съ пути истиннаго интеллигенцію и полуинтеллигенцію, — то въ этомъ печальномъ явленіи можно видѣть только симптомъ болѣзни. Правительство, боровшееся съ этимъ симптомомъ (и, при томъ, полицейскими мѣрами), было, разумѣется, неправо, ибо лѣчить надо было самую болѣзнь. Но народники, которые въ этихъ симптомахъ усматривали нѣчто здоровое, были еще болѣе неправы. Ни съ какой точки зрѣнія раціоналистическое сектанство нельзя считать явленіемъ положительнымъ: съ точки зрѣнія религіозной это есть дегенерация, съ точки зрѣнія культурно-національной это есть микробъ, разлагающій національное единство и тормозящее дружную работу всей націи на нивѣ духовной культуры.

Для христіанина Христіанство не есть элементъ какой-нибудь опредѣленной національной культуры, но есть ферментъ, могущій войти въ разныя культуры и стимулировать ихъ развитія въ опредѣленномъ направленіи, не упраздняя ихъ самобытности и своеобразія. Вынуть изъ русскаго національнаго сознанія Христіанство или замѣнить въ немъ подлинное Христіанство (Православіе) упадочно-раціоналистической поддѣлкой, значитъ обезплоднить русскую культуру и направить ее по пути разложенія. Потому то расхожденія евразійства съ народни-

чествомъ какъ разъ въ религіозномъ вопросѣ исключаютъ возможность какого бы то ни было сближенія обоихъ направленій.

Слѣдуетъ подчеркнуть, что сущность расхожденія лежитъ именно въ области религіозной и въ вытекающей отсюда положительной или отрицательной оцѣнкѣ тѣхъ элементовъ национальной психики, на которыхъ имѣетъ быть построена национальная культура. Расхожденіе политическое менѣе существенно. Революціонное народничество настаиваетъ на своемъ республиканствѣ. Если представить себѣ такую православную русскую республику, въ которой каждый избираемый на срокъ президентъ („посадникъ“) смотрѣлъ бы на себя, какъ на отвѣтственнаго представителя народа передъ Богомъ и какъ на защитника Православія, и если бы выборы президента и депутатовъ въ этой республикѣ не ставились въ зависимость отъ игры на народныхъ страстяхъ и ненавистяхъ, — то евразійство ничего не имѣло бы противъ такой республики и, во всякомъ случаѣ, предпочло бы ее „европейски-просвѣщенной“ монархіи, насаждающей сверху европеизацію и держащей въ кабалѣ Церковь. Но независимо отъ вопроса о томъ, возможна ли вообще такая республика, можно усумниться въ томъ, чтобы она удовлетворила революціонное народничество.

5

Наконецъ, слѣдуетъ освѣтить еще одинъ вопросъ, вопросъ о взаимоотношеніи между евразійствомъ и большевизмомъ. Любители якобы „мѣткихъ“ словѣчекъ иногда пытаются охарактеризовать евразійство, какъ „православный большевизмъ“ или „плодъ незаконной связи славянофильства и большевизма“. Хотя для всякаго должна быть ясна парадоксальность этихъ *contradictio in adjecto* („православный большевизмъ“ есть „бѣлая чернота“), тѣмъ не менѣе вопросъ о пунктахъ соприкосновенія и расхожденія между евразійствомъ и большевизмомъ заслуживаетъ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія.

Евразійство сходится съ большевизмомъ въ отверженіи не только тѣхъ или иныхъ политическихъ формъ, но всей той культуры, которая существовала въ Россіи непосредственно до революціи и продолжаетъ существовать въ странахъ романо-германскаго запада, и въ требованіи коренной перестройки всей этой культуры. Евразійство сходится съ большевизмомъ

и въ призывѣ къ освобожденію народовъ Азіи и Африки, пора-
боженныхъ колоніальными державами.

Но все это сходство только внѣшнее, формальное. Внут-
ренніе движущіе мотивы большевизма и евразійства діамет-
рально противоположны. Ту культуру, которая подлежитъ от-
мѣнѣ, большевики именуютъ „буржуазной“, а евразійцы — „ро-
маногерманской“; и ту культуру, которая должна встать на ея
мѣсто, большевики мыслятъ, какъ „пролетарскую“, а евразійцы
— какъ „національную“ (въ отношеніи Россіи — евразійскую).
Большевики исходятъ изъ марксистскаго представленія о томъ,
что культура создается опредѣленнымъ классомъ, евразійцы
же разсматриваютъ культуру какъ плодъ дѣятельности опре-
дѣленныхъ этническихъ единицъ, націи или группы націй. По-
этому для евразійцевъ понятія „буржуазной“ и „пролетарской“
культуры, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ употребляютъ больше-
вики, являются совершенно мнимыми. Во всякой соціально
дифференцированной націи культура верховъ нѣсколько отли-
чается отъ культуры низовъ. Въ нормальномъ, здоровомъ на-
ціональномъ организмѣ различіе это сводится къ различію с т е-
п е н е й одной и той же культуры. Если при этомъ верхи назы-
вать „буржуазіей“, а низы — „пролетаріатомъ“, то замѣна
буржуазной культуры пролетарской сведется къ сниженію
уровня культуры, къ опрощенію, одичанію, которое врядъ ли
можно выставять какъ идеаль. Въ націяхъ нездоровыхъ,
зараженныхъ недугомъ европеизаціи, культура верховъ отли-
чается отъ культуры низовъ не столько количественно (степе-
нями) сколько качественно: т. е. низы продолжаютъ жить об-
ломками культуры, нѣкогда служившей нижней степенью, фун-
даментомъ туземной національной культуры, а верхи живутъ
верхними степенями другой, иноземной, романо-германской
культуры; въ промежуткѣ между низами и верхами помѣщается
слой людей безъ всякой культуры, отставшихъ отъ низовъ и
не приставшихъ къ верхамъ, именно, въ силу качественной
разнородности обѣихъ культуръ сопряженныхъ въ данной націи.
Вотъ примѣнительно къ такимъ націямъ (къ числу которыхъ
принадлежала и послѣпетровская дореволюціонная Россія) можно
говорить о желательности замѣны культуры верховъ культурой
низовъ, — но и то лишь метафорически. На дѣлѣ при этомъ
долженъ мыслиться не переходъ верховъ къ культурѣ низовъ,
неизбѣжно элементарной, а къ созданію верхами новой куль-

туры съ такимъ расчетомъ, чтобы между ней и культурой низовъ различіе было не качественное, а въ степеняхъ. Только при этомъ условіи упразднится безкультурность среднихъ слоевъ націи, и національный организмъ станетъ культурно-цѣльнымъ, здоровымъ и способнымъ къ дальнѣйшему развитію въ цѣломъ, какъ въ своихъ верхахъ, такъ и въ низахъ. Это именно то, что проповѣдуетъ евразійство. Но ясно, что при этомъ рѣчь идетъ объ измѣненіи не классовой, а этнической природы культуры.

Находясь всецѣло во власти марксистскихъ схемъ и подходя къ проблемѣ культуры исключительно съ точки зрѣнія этихъ схемъ, большевики, естественно, оказываются совершенно неспособными выполнить то, что они затѣяли, т. е. создать на мѣсто старой культуры какую то новую. Ихъ „пролетарская культура“ выражается либо въ одичаніи, либо въ какой то пародіи на старую, якобы буржуазную культуру. И въ томъ и другомъ случаѣ дѣло сводится къ простому разрушенію безъ всякаго созиданія. Новой культуры никакъ не получается, — и это есть лучшее доказательство ложности самихъ теоретическихъ предпосылокъ большевизма и невыполнимости самого заданія „пролетаризаціи культуры“. Понятіе „пролетарской культуры“ неизбѣжно безсодержательно, ибо самое понятіе пролетаріата, какъ чисто экономическое, лишено всякихъ другихъ признаковъ конкретной культуры кромѣ признаковъ экономическихъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ понятіемъ національной культуры, ибо всякая нація, являясь фактической или потенціальной носительницей и создательницей определенной, конкретной культуры, заключаетъ въ самомъ своемъ понятіи конкретные признаки элементовъ и направленій культурнаго строительства. Поэтому, новая культура можетъ быть создана только, какъ культура особой націи, до сихъ поръ не имѣвшей самостоятельной культуры или находившейся подъ подавляющимъ вліяніемъ иностранной культуры. И противупоставиться можетъ эта новая культура только культурѣ иной націи или иныхъ націй.

Изъ всего этого вытекаетъ, что, если общими задачами большевизма и евразійства является отверженіе старой и созиданіе новой культуры, то большевизмъ можетъ выполнить только первую изъ этихъ двухъ задачъ, а второй выполнить не можетъ. Но выполненіе одной задачи разрушенія безъ одновременнаго

созиданія, разумѣется, не можетъ привести къ благимъ результатамъ. Прежде всего, разрушитель, имѣющій неясное или превратное представленіе о томъ, что на мѣстѣ разрушеннаго должно быть воздвигнуто, непременно разрушить или постарается разрушить то, что надлежало бы сохранить. А кромѣ того, когда темпъ разрушенія значительно быстрѣе созиданія, или когда за разрушеніемъ никакого подлиннаго созиданія не слѣдуетъ, нація оказывается на долгое время въ состояніи безкультурности, которое не можетъ не отражаться на ней губительно. Такимъ образомъ, даже несмотря на то, что разрушительная работа большевиковъ часто направлена именно на тѣ стороны привитой къ Россіи европейской культуры, которыя и евразійцы считаютъ подлежащими искорененію, евразійство все же не можетъ привѣтствовать этой разрушительной работы. Что же касается до большевицкихъ попытокъ творчества, то эти попытки вызываютъ въ евразійствѣ самое отрицательное отношеніе, т. к. онѣ либо проникнуты марксистскимъ утопизмомъ, либо направлены къ пересадкѣ на русскую почву еще новыхъ элементовъ романогерманской цивилизаціи, при томъ, большею частью, элементовъ наименѣе для евразійства пригодныхъ и носящихъ явные признаки вырожденія и упадка романогерманской цивилизаціи¹⁾.

Изъ всего только что сказаннаго явствуетъ, что и въ вопросахъ объ отношеніяхъ Россіи къ народамъ нероманогерманскаго міра сходство между большевизмомъ и евразійствомъ является только внѣшнимъ. Евразійство призываетъ всѣ народы міра освободиться отъ вліянія романогерманской культуры и вновь вступить на путь выработки своихъ національныхъ культуръ. При этомъ евразійство признаетъ, что вліяніе романогерманской культуры особенно усиливается, благодаря экономическому господству т. наз. „цивилизованныхъ“ надъ „колоніальными“ народами, и, потому, призываетъ къ борьбѣ за освобожденіе и отъ этого экономического господства. Но эта

¹⁾ Единственная область творчества, которая для большевиковъ, какъ партіи, является дѣйствительно жизненно необходимой, есть область управленія. Т. к. вызванный предвзятыми утопическими теоріями неудачный шагъ въ этой области могъ бы повлечь за собой паденіе ихъ власти, большевики какъ разъ въ области управленія менѣе всего руководствуются своими теоріями и стараются быть только практиками. Кое какія изобрѣтенія ихъ въ этой области несомнѣнно удачны и имѣютъ виды на будущее.

экономическая эмансипация не представляется евразійству какъ самоцѣль, а лишь какъ одно изъ непремѣнныхъ условій освобожденія отъ романогерманской культуры, освобожденія, которое немислимо безъ одновременнаго укрѣпленія основъ національной культуры и дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія этой послѣдней. Большевики во всѣхъ этихъ вопросахъ преслѣдуютъ прямо противоположныя цѣли. Они только играютъ на націоналистическихъ настроеніяхъ и самолюбіяхъ азіатскихъ народовъ и рассматриваютъ эти чувства лишь какъ средства для поднятія въ Азіи соціальной революціи, которая должна не столько упразднить экономическое засиліе „цивилизованныхъ“ державъ, сколько способствовать водворенію коммунистическаго строя съ той особой „пролетарской“ культурой, которая по существу антинаціональна и построена на самыхъ отрицательныхъ элементахъ той же европейской цивилизаціи, доведенныхъ до каррикатурной крайности. Подъ личиной поощренія азіатскаго націонализма въ большевизмѣ скрыто то же нивелирующее, „цивилизаторское“ культуртрегерство, и притомъ въ гораздо болѣе радикальной формѣ, чѣмъ у романогерманскихъ колониальныхъ имперіалистовъ. Не къ созиданію подлинно-національныхъ культуръ, преемственно связанныхъ съ историческимъ прошлымъ, а къ національному обезличенію и разрушенію всякихъ національныхъ основъ хотятъ большевики привести всѣ народы Азіи и Россію.

Резюмируя, можно сказать, что большевизмъ есть движеніе разрушительное, а евразійство — созидательное. Оба движенія полярно противоположны, и никакое сотрудничество между ними немислимо. Эта противоположность между большевизмомъ и евразійствомъ не случайна, а коренится въ глубинной сущности обоихъ движеній. Большевизмъ — движеніе богоборческое, евразійство — движеніе религіозное, богоутверждающее. Есть глубокая внутренняя связь между воинствующимъ отрицаніемъ Творца и неспособностью къ подлинному, положительному творчеству, между кощунственнымъ отверженіемъ божественнаго Логоса и раціоналистическимъ утопизмомъ, противорѣчащимъ естественной природѣ жизни. Но природа не допускаетъ чистаго разрушенія. Она властно требуетъ творчества, и все, неспособное къ положительному творчеству, рано или поздно обречено на гибель. Большевизму, какъ всякому порожденію духа отрицанія, присуща ловкость въ

разрушеніи, но не дана мудрость въ творествѣ. А потому, онъ долженъ погибнуть и смѣниться силой противоположной, богоутверждающей и созидательной. Будетъ ли этой силой евразійство, — покажетъ будущее. Но, во всякомъ случаѣ, ни реставраціонная идеологія, подмѣнивающая творчество починкой и восстановленіемъ разрушеннаго въ его старомъ видѣ, ни народничество, столь же слѣпое, какъ и большевизмъ, къ Богомъ установленнымъ положительнымъ задачамъ культурнаго строительства и столь же зараженное упадочными идеологіями вырождающейся европейской цивилизаціи, — признаками подлиннаго положительнаго творчества не обладаютъ.

Положительное значеніе большевизма, можетъ быть, въ томъ, что, снявъ маску и показавъ всѣмъ сатану въ его неприкрытомъ видѣ, онъ многихъ черезъ увѣренность въ реальность сатаны привелъ къ вѣрѣ въ Бога. Но, помимо этого, большевизмъ своимъ бессмысленнымъ (вслѣдствіе неспособности къ творчеству) ковыряніемъ жизни глубоко перепахалъ русскую цѣлину, вывернулъ на поверхность пласты, лежавшіе внизу, а внизъ — пласты, прежде лежавшіе на поверхности. И, быть можетъ, когда для созиданія новой національной культуры понадобятся новые люди, такіе люди найдутся именно въ тѣхъ слояхъ, которые большевизмъ случайно поднялъ на поверхность русской жизни. Во всякомъ случаѣ, степень пригодности къ дѣлу созиданія національной культуры и связь съ положительными духовными основами, заложенными въ русскомъ прошломъ, послужать естественнымъ признакомъ отбора новыхъ людей. Тѣ созданные большевизмомъ новые люди, которые этимъ признакомъ не обладаютъ, окажутся нежизнеспособными и естественно погибнуть вмѣстѣ съ породившимъ ихъ большевизмомъ, погибнуть не отъ какой-нибудь интервенціи, а отъ того, что природа не терпитъ не только пустоты, но и чистаго разрушенія и отрицанія и требуетъ созиданія, творчества, а истинное, положительное творчество возможно только при утвержденіи начала національнаго и при ощущеніи религіозной связи человѣка и націи съ Творцомъ вселенной.

Кн. Н. С. Трубецкой